

РЕФЕРЕНЦИЯ В ПЕРВОБЫТНОМ ЯЗЫКЕ

Г. Т. Поленова

*Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*

Поступила в редакцию 10 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье реконструируется на базе енисейского кетского языка доисторическая языковая референция говорящего как отражение пространственных представлений и класса денотата. Автор делает вывод, что первичное слово-референт представляло собой сочетание маркеров класса и степени удаления от говорящего, т.е. моносиллаб.

Ключевые слова: референция, мифология, классный строй языка, активный строй языка, версия.

Abstract: the article presents a reconstruction of reference in primordial languages. Data from the Yenisei languages is used to demonstrate that reference reflects spatial representations and class denotation. The author claims that the primary word-referents were a combination of class markers and degree of spatial distance from the speaker, and that these words were monosyllabic.

Key words: reference, mythology, the class structure of language, the active structure of the language, version.

В интернете сайт «Языкознание.ру» дает следующее определение референции: «Референция – отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам или денотатам). В современной лингвистике существует интенциональный подход к референции: не слово, а *говорящий* (курсив наш. – Г. П.) намеренно указывает на объект, употребляя нужное языковое выражение. То есть референтность не есть качество, присущее языковому выражению как таковому, – это человек использует выражение, соотнося его с референтной ситуацией, реальным или возможным миром в соответствии со своей интенцией. ... Адресат соотносит языковое выражение с теми же образами и объектами, что и говорящий (опора на «общее знание» коммуникантов)». Такое определение дано в соответствии с современными знаниями и возможностями ушедших далеко в своем развитии, прежде всего индоевропейских, языков. Референция понимается в данном случае весьма широко и включает в себя понятия дискурса, текста, стиля, жанра, элементов психологии и многое другое. Мы же намерены показать в данной статье, базируясь на материале бесписьменного и глубоко архаичного по своему строю енисейского кетского языка, начальные принципы референции человека говорящего с опорой на одинаковые знания об окружающем мире слушающего его.

В исследовании мы опираемся на контенсивную типологию. Под контенсивной типологией будем понимать типологическое исследование, в котором

формальная сторона языка рассматривается в непосредственной связи с выражаемым этими формами содержанием, т.е. это содержательно ориентированная лингвистическая типология [1, с. 4], доказывающая, что языковое значение влияет на языковую форму. Согласно этой теории диахронически выстраивается ряд по степени приспособленности к передаче субъектно-объектных отношений: классный-активный-эргативно/посессивный-номинативно-аккумулятивный типы. Все эти системы представлены в материалах енисейских языков.

Для классной системы характерно распределение именного словаря по содержательно характеризующимся группам, а также соответствующие классные аффиксы в глагольной морфологии: от множества таких аффиксов до бинарной оппозиции одушевленного и неодушевленного. Категория класса диахронически предшествовала категории рода.

Активный строй языка предполагает ориентацию его поверхностных характеристик на особую глубинную структуру – семантическую детерминанту языка, противопоставляющую не собственно субъектное и объектное, а те отношения, которые существуют во внеязыковой действительности между активным и инактивным актантами. У субстантивов противопоставляются активный и инактивный классы, глаголы выражают оппозицию: активный/стативный, действие/состояние.

В социологическом плане кеты имели родовой строй вплоть до начала XIX в. Мифологическая модель мира кетов содержит архаические представления о женщинах-созидательницах, Матерях Природы, которые генетически восходят к верхнему палеолиту (более 30 тысяч лет до н. э.). По мифологическим

представлениям кетов, всеобщее материнское начало лежит в основе мироздания. Все основные стихии природы (земля, вода, огонь), а также страны света олицетворяются в женских, материнских образах. Как женское начало почитаются солнце, звезды, заря. В женском образе известны «хозяйева» отдельных мест. Это позволяет говорить об общем культе Матерей Природы.

К глубинным структурам, восходящим к матриархату, мы отнесли словоформы на $-am < am$ 'мать', исходя из образа матери как порождающего начала для всей живой и неживой природы, в том числе Земли и Космоса [2, с. 15]. Приведем примеры: *tajam* 'холодно', *bɪl'da kas'am* '(она) была беременная', *abaŋa axtam* 'мне нравится', *ad us'am* 'я есть, существую', *budaŋta us'am qus'* 'у него есть чум'; *abaŋta hɪp us'am* 'у меня сын есть', *dus'am* 'отдохну, отдыхаю' – *duull'am* 'я отдыхал', *itpadam* 'я знаю' – *iddaŋl'am* 'мы знаем'; *itkuyam* 'ты знаешь' – *itkanl'am* 'вы знаете'; *ital'am* 'он знает', *itl'am* 'она знает' – *itanl'am* 'они знают'. Налицо предикативирующая функция форманта $-am$. Не случайно философская категория «материя» (лат. *materia* – вещество, ср.-лат. *mater* 'мать') обозначает субстанцию, обладающую статусом первоначала (объективной реальностью) по отношению к сознанию (субъективной реальности).

Согласно мифологии кетов на небе живут невидимые рядовым людям существа. Большинство из них является олицетворением природных явлений. Само небо представляется в образе одноименного верховного начала *Еся (Es')* 'бог, небо'. Отсюда развиваются, на наш взгляд, строевые элементы: *es'is'as-us'*; *s'e/s'i-s'a-s'u*, т.е. формативы (предикативные и словообразовательные суффиксы), выражающие объективную сущность, не связанную с конкретным 'ego', - в значении 'быть, существовать'. Сравним: *es'kogd'* 'осень', *kotes* 'зима', *es'tajyon* 'похолодало', *bis'es'kondep* 'стемнело', *es'ta bo?k* 'северное сияние', (букв. 'бога огонь'), *ul'es'* 'дождь' и т.п. Сравним также: *kide aŋa ho:s'* (*ho:s'i*) 'эта веревка крученая' (*ho:* – 'плести'). Сравним прилагательные: *tuoms'i* 'черный', *aets'i* 'грубый', *s'ul'ems'i* 'красный'; *l'ams'i* 'плоский' (*l'am* 'доска'), *s'is'i* 'ночной' (*s'i* 'ночь'); *inams'i* 'давнишний' (*inam* 'давно'), *kis'aŋs'i* 'здешний' (*kis'aŋ* 'здесь'). В грамматике *si* – это суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду, например: *a:tkupsi* 'остроконечный' (*a:t kup* 'острый конец'); *es'as'*, $-s'a$ – деривационные аффиксы кетских наречий: *is'a* 'ежедневно' (*i'* 'день'), *qips'a* 'ежемесячно' (*qip* 'месяц') и т.п.

Таким образом, как в мифологии, так и в языке отражен дуализм в сознании кетов, основанный на двух началах: Земли (все, что связано с $-am$) и Неба (все, что связано с $-es'$).

Исходными формами религиозных верований, как известно, были тотемизм, фетишизм, анимизм, магия и множество Божеств. Желая олицетворить каждое отдельное явление, человек «создает в своем воображении для каждого явления толпу духов (курсив наш. – Г. П.), не имевших еще индивидуального значения и понятных им только как коллективы различных проявлений одной и той же силы природы. ... На второй ступени своего развития антропоморфизм для каждого общего понятия однородного явления создает отдельное лицо ... так, например, бог грома, бог дождя суть не что иное, как самые явления грома, дождя и пр.» [3, с. 13–15]. Третий период развития антропоморфического мифа – это эпоха богов-кумиров.

Первый этап в развитии мифа мы относим к матриархату и полагаем, что «толпа духов» нашла свое отражение в классном строе древнего языка [4, с. 14–30]. Сравним множество классных предикативных показателей $-ma, -da, -na, -ja, -s'a, -l'a, -am, -aŋ, -s'i/-s'e, -ba, -bo, -no$: *has'a* 'режу, пилю, стригу' (я, ты, он, она), *-hal'a* 'пил, резал, строгал' (я, ты, он, она) и личные предикативные аффиксы: $-di, -ku, -du$ (м. кл.), $-da$ (ж. кл.), $-daŋ-, -kaŋ-, -aŋ-$ (мн. ч.) [там же, с. 83–84], например, *at axtadi* 'я добр', *u axtaku* 'ты добр', *bu axtadu* 'он добр', *bu axtada* 'она добрая' и т.д.

Для енисейских языков восстанавливается при классном строе такое состояние, когда все звуки имели классную семантику. Эти первоначальные корневые указательные слова-дейксисы уточняли местонахождение предмета по отношению к говорящему (гласный элемент), а о классе предмета сигнализировал согласный звук, т.е. эти слова имели структуру CV или VC в метатезе. Основными гласными, несущими дейктическое значение, являлись *a/o* 'тот' (указание на отдаленный предмет), *i/e* 'этот' (указание на ближайший предмет) и *u* – дейксис широкого плана 'этот/тот'.

Сравним современные енисейские указательные местоимения:

- кет. *ki* 'этот' (близкий, видимый) – указание на сферу говорящего (Ich-Deixis). Ср. коттское личное местоимение 1-го лица *ai* 'я';
- кет. *tu* 'тот, этот' (подале, известный или упомянутый – общее указание (Der-Deixis). Ср. кетское личное местоимение 2-го лица *u* 'ты';
- кет. *qa* 'тот' (подале) – указание на удаленность от говорящего или указание на сферу 'тот' (Jener-Deixis), по К. Бругману;
- гласные *a/o, i/e, u* выступали в языке, как мы полагаем, в виде самостоятельных полисемичных основ. Одним из их значений было значение лица говорящего и лица собеседника: **a* 'я', *u* 'ты', ср. коттское *au* 'ты'.

Звук 'а' выражал не только дальность нахождения предмета, но и все значительное, важное, большое (ср. кет. *qa* 'большой'), активное. В то же время звук *i* обозначал наряду с близостью к говорящему также малое, слабое, пассивное.

А. П. Дульзон приводит в своем «Кетском языке» [5] локальные уточнители с классными показателями. Например:

- *ta* – локальный уточнитель 'вон, из, прочь', 'на верх' [там же, с. 333–335, 347, 351];
- *ka* 'внутри, внутреннее' [там же, с. 358];
- *ki* 'вперед', нем. *vog* [там же, с. 364];
- *ka/ko* [настоящее время / прошедшее время] 'идти вверх, подниматься, лезть вверх' [там же, с. 375];
- *b* – класс вещей [там же, с. 591];
- *k* – классный показатель деятеля [там же, с. 238];
- *s'* – одушевленный субъект состояния [там же, с. 427].

Приведем еще примеры функционирования первичных дейктических частиц в кетском языке:

- *-bi* – аффикс предикативности притяжательных местоимений, например: *bu:t dɬ?* 'ее шапка' – *dɬ? bu:t bi* 'шапка ее'; *abbi* 'мой', *ugbi* 'твой', *budabi* 'его', *Atnabi* 'наш', *Lkɣbi* 'ваш', *buɣnabi* 'их';
- *ba-* – глагольный показатель 1-го лица (группа *B*);
- *ki* 'этот' – указательное местоимение;
- *ku* – глагольный показатель 2-го лица (группы *B* и *D*);
- *qa* 'тот' – указательное местоимение;
- *tu* 'этот, тот' – указательное местоимение;
- *ta* – локальный уточнитель в глаголе, ср.: *sak-ta-ptet* 'затаптывай';
- *di* – падежный показатель родительного падежа женского класса, глагольный показатель 1-го лица и 3-го лица мужского класса (группа *D*): *amdi* 'матери' – родительный падеж; *di-b-tet* 'я-это-толку', *di-b-l'al* 'он-болтает';
- *du* – предикативный аффикс 3-го лица мужского класса: *hitejdu* 'он способный', *tumdu* 'он черный';
- *da* – предикативный и глагольный аффикс 3-го лица женского класса: *tɳngɳl'da* 'она высокая', *da-l'okɳ* 'она-трясется', показатель родительного падежа мужского класса: *obda* 'отца';
- *na* – суффикс множественного числа указательных местоимений: *kina* 'эти', *tuna* 'эти, те', *qana* 'те';
- *si* – суффикс предикативности, безразличный к лицу и роду: югск. *a:tkupsi* 'остроконечный' (*a:t kup* 'острый конец');
- *ab* – притяжательное местоимение 'мой';

• *es'/-as', -il', -s'a* – деривационные аффиксы кетских наречий;

• *s'a* – частица будущего времени;

uk 'твой', *ad* 'я'; *ti* 'черпать'; *ki* 'скоблить'; *ul'* 'вода'; *ko?* 'лед'; *am* 'мать'; *as'* 'перо'; *at* 'кость', *e: s'* 'бог, небо'; *qa* 'внутри'; *i:l'* 'песня'; *da* 'жить'; *xa* 'прямо' и т.д.

Неудивительно, что классов было много, так как древние енисейцы поляризовали явления и объекты окружающей действительности:

• на сверхестественном уровне – божества и духи, добрые и злые, мужского пола и женского, действующие и бездействующие;

• в человеческой среде – свой/чужой, опасный/неопасный, почитаемый/нейтральный/отверженный, большой/малый, мужской/женский, единичный/неединичный, присутствующий/отсутствующий, действующий/бездействующий, участвующий/неучаствующий и пр.;

• в животном мире – большой/малый, важный/неважный, опасный/безопасный, мужской/женский, единичный/неединичный, действующий/бездействующий, присутствующий/отсутствующий, полезный/нейтральный/вредный и т.д.;

• в растительном мире – большой/малый, мужской/женский, полезный/нейтральный/вредный и т.п.;

• поляризация пространственно-временной ориентации выглядит так: близкий/далекий, высоко/низко, здешний/нездешний, видимый/невидимый, настоящий/прошлый, дневной/ночной, летний/нелетний и т.д.

Ср.: *qajdaŋa* 'к лосю' (муж. кл.) – *qajdiŋa* 'к лосю' (жен. кл.); *qok is'* 'одна рыба' (живая) – *qus is'* 'одна рыба' (неживая); *qok oks'* 'одно дерево' (живое) – *qus oks'* 'одна дровина'; *aqnaŋa* 'к деревьям' – *aqdiŋa* 'к дровинам'.

Неживая природа воспринимается и сейчас как инертная масса, не имеющая поляризации.

Переход от матриархата к патриархату знаменуется в языке перестройкой классного строя в активный строй. Исчезает синкретизм частей речи (см. о синкретизме [4, с. 9–13]. Бинаризм показателей «активный/инактивный» характеризует сначала личное местоимение 1-го лица и парадигму глагола: активный/инактивный падежи, активный/инактивный показатели субъекта действия. Ср.: *ad / ab* 'я / мой'; ср. также глаголы 'стоять' и 'сбегать':

<i>dikin</i> 'я стою'	<i>diol'in</i> 'я стоял'
<i>kukin</i> 'ты стоишь'	<i>kuol'in</i> 'ты стоял'
<i>dukin</i> 'он стоит'	<i>duol'in</i> 'он стоял'
<i>dakin</i> 'она стоит'	<i>daol'in</i> 'она стояла'

dikinan ‘мы стоим’ *dol'daŋtinen* ‘мы стояли’
kukinan ‘вы стоите’ *kol'gaŋtinen* ‘вы стояли’
dukinan ‘они стоят’ *dol'aŋtinen* ‘они стояли’

batsaq ‘я сбегаю’ *batlaq* ‘я сбежал’
kutsaq ‘ты сбегаешь’ *kuilaq* ‘ты сбежал’
butsaq ‘он сбегаёт’ *butlaq* ‘он сбежал’
dabutsaq ‘она сбегаёт’ *dabutlaq* ‘она сбежала’
daŋstayan ‘мы сбегаем’ *daŋil'dayan* ‘мы сбежали’
kaŋstayan ‘вы сбегаёте’ *kaŋil'dayan* ‘вы сбежали’
bustayan ‘они сбегают’ *butl'ayan* ‘они сбежали’.

В кетском языке среди других реликтов активно-го строя отмечена центростремительная версия – показатель ряда *ba-/a-* (по 1-му и 3-му лицу ед. ч.) и центробежная – показатели ряда *bo-/o-* [6, с. 193]. Ср.:

boŋatn ‘я пойду, иду’ *baŋabda* ‘я слышу’
kuŋatn ‘ты пойдешь, идешь’ *kuŋabda* ‘ты слышишь’
oŋatn ‘он пойдет, идет’ *aŋabda* ‘он слышит’
uŋatn ‘она пойдет, идет’ *iŋabda* ‘она слышит’.

По нашим данным, категория версии выражается в кетском языке не только вокалическими дейксисами *a/i* и *u/o* (соответственно, центростремительная и центробежная версии), но и с помощью согласных элементов *b~v~m* и *q~γ~k~g~γ* (соответственно, центростремительная и центробежная версии); *s'* (нейтральная версия). Доказательством служат следующие языковые факты: кетские указательные местоимения: *ki* ‘этот’ (ближайший), *tu* ‘этот, тот’ (подальше) и *qa* ‘тот’ (далекий); появление *g* вместо *b* в прошедшем времени и в формах императива; показатель 2-го лица *-ku*; корневая морфема глагола ‘дать, давать’ *-q*; послелог местного падежа *-ka~ga*; лексема *qa~γa~ga* ‘прочь, ввысь’; частица *qan* ‘пусть!’ и др. Согласные *k-, t-, q-*, неся информацию о классе денотата в своей первичной функции, приобрели значение уточнителя степени удаленности от центра ситуации. Сам же этот центр выражался звуком *b*. Так позволяет думать сравнение местоимения *bin* ‘сам’ и *ki* ‘этот’ (в сфере говорящего).

При таком подходе становится понятной закономерность замены детерминатива *b* на детерминатив

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Поленова Г. Т., доктор филологических наук, профессор

E-mail: polenova@mail.ru

Тел.: (8634) 37-17-12

q-g-k в формах императива, давно отмечаемая кетологами, причем это явление характерно и для котского языка [7, с. 130–131], не случайно показатель 2-го лица в кетском глаголе *ku-*.

Считаем, что версия, выражаемая согласными, более раннего происхождения и восходит к классному строю языка. Три указательных местоимения в кетском языке можно соотнести с тремя лицами: 1-е лицо *ki* ‘здесь, я’; 2-е лицо *tu* ‘тут, близко, ты’ и 3-е лицо *qa* ‘далеко, он/она’.

Реконструируется следующая исходная референция: по вертикали *Земля, мать / Небо*; по горизонтали – *этот* (близкий) / *этот, тот* (в пределах видимости) / *тот* (далекий, невидимый). В языковом выражении в современном кетском языке: *baŋ, am / Es*; *ki / tu / qa*. Для классного строя горизонтальная референция должна быть представлена как: *CI / CU / CA* vs. *IC / UC / AC*, где *C* – любой согласный, показатель класса (ср. выводы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Всев. Иванова о раннем праиндоевропейском языке [8, с. 161; 247–252]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии / Г. А. Климов. – М.: Наука, 1983. – 224 с.
2. Поленова Г. Т. В поисках истоков языка / Г. Т. Поленова. – Таганрог: ТГПИ, 2011. – 335 с.
3. Шеппинг Д. Мифы славянского язычества / Д. Шеппинг // Мифы и легенды народов мира. Древние славяне. – М.: Литература: Мир книги, 2004. – С. 7–148.
4. Поленова Г. Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков) / Г. Т. Поленова. – Таганрог: ТГПИ, 2002. – 202 с.
5. Дульзон А. П. Кетский язык. / А. П. Дульзон. – Томск: Изд-во ТГУ, 1968. – 636 с.
6. Werner, Heinrich. Die ketische Sprache / Heinrich Werner. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. – 409 с.
7. Castrèn M. A. Versuch einer Jenissei-Ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen / M. A. Castrèn. – Spb., 1858. 125 с.
8. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Всев. Иванов. – Тбилиси, 1984. – Т. I. – С. 161, 247–252.

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) of the Rostov State Economic University (RSEU)

Polenova G. T., Doctor of Philology, Professor

E-mail: polenova@mail.ru

Tel.: (8634) 37-17-12